

каждый кустъ чуть не десяткомъ сочныхъ стеблей росъ изъ одного могучаго корня; нѣтъ, его волновало нѣчто иное.

— «Господи! — думалъ онъ. — Ржица-то, ржица! Вѣрныхъ восемнадцать копенъ будетъ. Вотъ благодать Божія! Вотъ земля!.. А еще этотъ прохвостъ за двѣ тысячи оттягать хотѣлъ. За двадцать не отдамъ. Пусть меня лучше живого четвергуютъ. Не отдамъ, покаля живъ».

Легкій, но очень близкій стукъ колесъ заставилъ Щастнева очнуться. Онъ быстро поднялъ голову, и почти носъ къ носу столкнулся съ «прохвостомъ», о которомъ только-что думалъ.

Николай Оадѣвичъ, сидя на бѣговыхъ дрожкахъ, самой маленькой рысцой, въ притруску, объѣзжалъ поле. Встрѣтивъ Щастнева, онъ тотчасъ остановилъ свою раскормленную лошадь.

— Алексѣй Ивановичъ! Другъ-пріятель! Ты куда бредешь?

— Въ городъ.

— А по што?

Щастневъ, на минуту смущенный нечаянной встрѣчей, почувствовалъ въ себѣ новый приливъ геройства.

— Къ мировому! — отвѣтилъ онъ, твердо глядя въ глаза своему противнику.

— Вѣ какъ! А зачѣмъ бы это?

Улыбающееся лицо Писарька стало хмуриться.

— На тебя жалиться, Миколай Оадѣвичъ, на счетъ, значить, завладѣнія.

— Те-е-екъ... Ну, что-жъ, помогай Богъ. А на меня ужъ, братецъ, таперича не гнѣвись, коли ежели что-нибудь... По чести не хотѣлъ — значить, самъ на себя и плачешься.

Николай Оадѣвичъ вдругъ сильно стегнулъ свою лошадь, и укатилъ, не дожидаясь возраженій, прежде чѣмъ Щастневъ успѣлъ открыть ротъ.

Крестьянинъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ. Рѣшимость Писарька, явно уклонившагося отъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ, подѣйствовала на него крайне непріятно и заронила въ душу новыя сомнѣнія. Однако, жребій былъ брошенъ. Еще разъ посмотрѣвъ на восемнадцатикопенную рожь, Алексѣй Ивановичъ глубоко вздохнулъ и пошелъ дальше, на встрѣчу своей судьбѣ.

Въ городѣ ожидала его удача. «Мировой» не только принялъ прошеніе, но, подъ добрую минуту, даже прочелъ купчую Щастнева, объявилъ ее совершенно правильной, а про притязанія Писарька отозвался съ рѣзкостью эксъ-военнаго человѣка: «должно быть, старый чортъ съ ума сошелъ».